



**Воспоминанія графа Константина Константиновича Бенкендорфа
о кавказской лѣтней экспедиціи 1845 года ¹⁾.**

(Souvenir intime d'une campagne au Caucase pendant l'été de 1845).

(Окончаніе).

Надъ лѣсомъ простирался заваль. Солдатъ нашъ отлично знаетъ, что значитъ неудачно атаковать заваль, что значитъ—не взять его, такъ какъ это влечетъ за собой бѣдственное отступленіе, преслѣдованіе противникомъ, чего такъ слѣдуетъ избѣгать; это влечетъ избіеніе нашихъ раненыхъ, это—вѣрная смерть, смерть безъ погребенія, безъ того крестнаго напутствія, съ которымъ товарищи ваши засыпаютъ землей вашу могилу.

Всѣ эти ужасные призраки мною не преувеличены, и въ подобныя минуты они одинаково представляются воображенію, какъ труса, такъ и храбраго: одного они губятъ, другой ихъ побѣждаетъ, но оба поражены ими, а между тѣмъ, для того, чтобы смѣло идти въ дѣло, необходимо быть внѣ всякихъ впечатлѣній, нужна только увѣренность въ успѣхѣ, и тогда побѣда обезпечена.

По данному сигналу мы вошли въ чащу съ громкими криками „ура“, которые то замирали, то снова раздавались всякій разъ, когда мы встрѣчали препятствіе, которое слѣдовало преодолѣть. Съ самаго начала движенія насъ уже встрѣтили учащеннымъ огнемъ.

¹⁾ См. „Русская Старина“ февраль 1911 г.

Я не достигъ еще и полпути подъема, какъ услышалъ отъ князя *Захарія Эристова*, бывшего отъ боли въ полуобморочномъ состояніи, что онъ не въ силахъ идти дальше; грузины остались такимъ образомъ безъ начальника, что являлось для меня сущимъ несчастьемъ, такъ какъ теперь я уже не могъ съ ними объясняться.

Ко всѣмъ этимъ заботамъ прибавилось еще новое печальное обстоятельство, всю важность котораго оцѣнить всякій, кто бывалъ въ бою. Дѣло въ томъ, что, для обезпеченія успѣха нашей атаки, внизу была выставлена батарея конгревовыхъ ракетъ, управлявшій огнемъ ея плохо рассчиталъ разстояніе и нѣсколько гранатъ, предназначенныхъ горцамъ, разорвалось среди насъ, убивъ и ранивъ нѣсколько человекъ. Нужно ли объяснять, что за тяжелое впечатлѣніе произвело это на войска?!

Не могу вспомнить этого дня, оставившаго столь тяжелое въ моей жизни воспоминаніе, безъ чувства глубокаго страданія. Чтобы рассказать событія этого дня, со всей строгостью запросивъ свою совѣсть и не уклоняясь отъ истины, я долженъ собраться съ мыслями.

Мнѣ было невозможно вполнѣ ориентироваться въ этомъ дьявольскомъ лѣсу, въ которомъ я видѣлъ только деревья и сучья, преграждавшіе движеніе. Я думалъ, что шелъ по направленію, указанному мнѣ графомъ *Воронцовымъ*, въ чемъ меня и увѣряли мои проводники, хотя, по правдѣ, слѣдуетъ замѣтить, что, когда завязалась горячая перестрѣлка, я ихъ уже болѣе не видѣлъ; чеченецъ очень остороженъ, когда дерется въ нашихъ рядахъ.

Мы продолжали подвигаться подъ огнемъ. Я уже достигалъ опушки лѣса и отъ укрѣпленій, гдѣ притаились горцы, мы были не болѣе, какъ въ 50-ти шагахъ, и только тогда замѣтилъ я, что ошибся!

Вмѣсто того, чтобы выйти этимъ укрѣпленіямъ во флангъ, мы ударили теперь съ фронта,—прямо въ лобъ. Вся моя кровь застыла въ жилахъ.

Отступить было немислимо: всякое отступленіе въ подобныхъ случаяхъ обращается въ пораженіе, оставаться на мѣстѣ было не менѣе опасно, оставалось только дерзать, т. е.—идти прямо впередъ ¹⁾.

¹⁾ Почтенный *Бенкендорфъ*, конечно, правъ съ своей точки зрѣнія, не взявъ въ расчетъ, что была еще лѣвая колонна, бравшая эти завалы съ другого фланга, а потому, казалось, онъ могъ бы еще обождать успѣха удара этой колонны и тогда уже ударить съ фронта, но въ данномъ случаѣ и лѣвая колонна могла заблудиться, не говоря уже о трудности поддерживать съ ней связь въ подобномъ лѣсу.

Отрогъ, по которому мы наступали, по мѣрѣ подъема суживался и на верху заканчивался участкомъ шаговъ въ 20 всего ширины, который и былъ прегражденъ укрѣпленіями горцевъ. Справа и слѣва уже спускались горцы, которые обхватывали насъ съ обѣихъ фланговъ, и мы были отдѣлены отъ нихъ только оврагами.

Я собралъ весь мой отрядъ и съ офицерами во главѣ повелъ его впередъ. Съ первымъ же шагомъ на открытомъ, уже обнаженномъ отъ деревьевъ участкѣ мѣстности, насъ со всѣхъ сторонъ охватилъ страшный огонь. Всѣ около меня падали. Я удвоилъ усилія; въ теченіе 10-ти минутъ мы боролись со смертью, окружавшей насъ со всѣхъ сторонъ.

Это былъ адъ, изрыгавшій на насъ огонь. Стоять было невозможно, и мы всѣ лежали на землѣ, подвигаясь ползкомъ, правда, не скоро, но все-таки подвигались. Я не видѣлъ конца этой картинѣ истребленія.

Оставалось только дать убитъ и себя. Но, вотъ и я почувствовалъ, что опрокинуть, и я былъ тому радъ: въ этомъ заключалось для меня единственное средство выйти съ честью изъ этого дѣла. Мое имя пробѣжало по рядамъ; *Шеппингъ* и три карабинера бросились ко мнѣ, и одинъ изъ нихъ замѣтилъ мнѣ: „Ничего, Ваше Сіятельство, Николай Чудотворецъ спасетъ васъ“, и меня поволокли въ лѣсъ.

Войска не двигались; силы ихъ были истощены; подавленные огнемъ, онѣ отошли къ лѣсу, служившему имъ защитой. За исключеніемъ только одного, всѣ офицеры были выведены изъ строя; почти половина Куринцевъ и милиціонеровъ лежали распростертыми на землѣ и покрытыми кровью, а между тѣмъ настоящій бой длился только 10 минутъ! Бѣдные грузины окончательно изнемогали: они видѣли гибель трехъ изъ своихъ князей, изъ коихъ два брата умерли въ объятіяхъ другъ друга.

Молодцы егеря-Куринцы одни сѣумѣли остаться на своемъ мѣстѣ. Безъ начальниковъ и безъ малѣйшихъ указаній, они еще удостоились чести и славы окончательнаго занятія этихъ заваловъ, правда, при поддержкѣ трехъ ротъ Апшеронцевъ, вышедшихъ къ этимъ заваламъ съ фланта.

Не даромъ было пролито столько крови; для упроченія побѣды не пришлось дѣлать новыхъ усилій; противникъ былъ смущенъ, несмотря на нанесенныя имъ намъ потери, и не только что не посмѣлъ насъ преслѣдовать, но даже бросилъ и самые завалы, за которые мы выдержали столь горячій бой, и, нѣсколько минутъ всего спустя, Куринцы заняли ихъ безъ всякаго сопротивленія.

Штурмъ высотъ у Гурдали, подобно таковому горы Анчимееръ,

произошелъ на глазахъ главнокомандующаго и на виду всего отряда. Всѣ могли за нами слѣдить и, конечно, всѣ посылали намъ свое благословеніе, такъ какъ на этихъ высотахъ рѣшалась участь дня ¹⁾.

Еще ранѣе, лишь только завязался бой, графъ Воронцовъ послалъ ко мнѣ своего адъютанта *Нечаева* ²⁾ съ похвалою и поздравленіемъ взятія неприятельскаго орудія, бывшаго дѣйствительно въ атакованномъ нами завалѣ, и это поздравленіе должно было служить подбадривающимъ насъ средствомъ.

Добрыхъ четверть часа употребилъ Нечаевъ, чтобы добратъся до насъ, но, вмѣсто орудія, онъ увидѣлъ меня, всего окровавленнаго, окруженнаго жалкими остатками моей колонны. Всѣмъ было извѣстно душевное расположеніе ко мнѣ графа Воронцова, а потому, не желая огорчать его въ ту минуту, когда ему необходима была вся его энергія, Нечаевъ, по обратномъ къ нему возвращеніи, не смѣя доложить ему всю правду, на вопросы его, отвѣтилъ совершенно хладнокровно, что „Бенкендорфъ слегка раненъ“, но свитѣ, не колеблясь, сказалъ: „онъ умираетъ“.

Мнѣ дѣйствительно приходилось плохо: пуля пронизала меня насквозь, я потерялъ много крови, и перевязывавшій меня докторъ объявилъ, что мнѣ остается жить лишь нѣсколько часовъ.

Изъ насъ четверыхъ раненыхъ въ этотъ день штабъ-офицеровъ подобный смертный приговоръ былъ произнесенъ только надо мной, а между тѣмъ изъ насъ четверыхъ: одинъ (полковникъ *Бибиковъ*) уже не существуетъ, другой (графъ *Стейнбокъ*)—безъ ноги, третій (маіоръ *Альбрантъ*)—безъ руки, и только я одинъ живъ и здоровъ.

Я долженъ былъ умереть по стеченію обстоятельствъ, но свыше было предопредѣлено, что я буду жить.

Лишь только меня перевязали, какъ сейчасъ же положили на солдатскую шинель, натянутую между двумя ружьями, четыре солдата подняли меня на свои плечи и понесли во главѣ транспорта раненыхъ.

Горя нетерпѣніемъ добратъся до ночлега, я слишкомъ горячо торопилъ своихъ носильщиковъ, желавшихъ меня послушаться и оце-

¹⁾ Дѣйствительно, заслуга колонны Бенкендорфа въ этотъ день 14-го іюля. самый трудный за весь маршъ изъ Дарго въ Герзель-ауль, была очень большая и нельзя не воздать должное молодцамъ Куринцамъ. Что за геройскія войска были тогда на Кавказѣ?!

²⁾ Нечаевъ—авторъ рукописи, прибрѣтенной нами у антиквара Ключкова, нами напечатанной въ „Воен. Сборникъ“ и выпущенной отдѣльнымъ изданіемъ.

редить главные силы. Слѣдуя за нѣсколькими ранеными по узкой дорогѣ меня понесли черезъ лѣсъ, еще недостаточно обезпеченный слѣва нашими войсками. Къ намъ присоединили еще вьюки, что увеличило непорядокъ этого слѣдованія.

Непріятель, воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, неожиданно бросился на насъ слѣва и, не встрѣтивъ, по полному отсутствію здѣсь нашихъ войскъ, никакого сопротивленія, легко овладѣлъ дорогой ¹⁾. Я достался въ руки нашихъ враговъ. Чеченцы вырвали у меня мундиръ, которымъ я прикрывалъ себѣ лицо, и я неизбежно былъ бы изрубленъ, какъ было изрублено нѣсколько человекъ раненыхъ рядомъ со мной, если бы не хладнокровіе, мужество и благородное самоотверженіе *Шеппинга*, которому одному и всецѣло обязанъ я спасеніемъ жизни. Онъ защитилъ меня отъ ударовъ, которые мнѣ предназначались, и защищая меня, самъ получилъ три раны. Я имѣлъ время собраться съ послѣдними силами, подняться съ земли ²⁾, чтобъ сдѣлать нѣсколько шаговъ до края пропасти, куда я и ринулся очертя голову ³⁾.

¹⁾ Войскъ не было, такъ какъ авангардъ запальчиваго генерала Бѣлявскаго зарвался и продралъ впередъ, не выжидая подхода боковыхъ цѣпей, а потому, естественно, между главными силами съ обозомъ и авангардомъ образовался промежутокъ, а вѣдь главные силы и авангардъ должны были равняться на арріергардъ.

²⁾ Куринцы положили его на землю и, обороняя, кажется, были изрублены.

³⁾ Баронъ Шеппингъ еще утромъ отнялъ пистолеты у барона Николаи, и они теперь ему и пригодились. Князь Дундуковъ такъ рассказываетъ этотъ случай: „подлѣ носилокъ графа Бенкендорфа шелъ другъ его баронъ Шеппингъ, и когда горцы начали рѣзать раненыхъ и ихъ прикрытіе, Куринцы, положивъ носилки, обороняли. Шеппингъ впереди ихъ защищаетъ своего друга и пистолетомъ барона Николаи успѣваетъ убить горца, занесшаго кинжалъ надъ Бенкендорфомъ, самъ же получаетъ нѣсколько ранъ шашками и въ упоръ выстрѣлъ изъ пистолета въ животъ, но къ счастью, пуля (по недостатку ли пороха) застрѣваетъ въ бѣльѣ. Бенкендорфъ же въ безсознательномъ и безотчетномъ испугѣ имѣлъ достаточно силы, чтобы вскочить и бѣжать. Нѣсколько Чеченцевъ, догоняя, рубили его безпощадно, и онъ былъ найденъ въ оврагѣ, весь облитый кровью и изрѣзанный шашками. Это немедицинское кровопусканіе, быть можетъ, спасло ему жизнь, остановивъ воспаленіе. Окончательно горцы были разогнаны подоспѣвшей 11-й ротой Навагинскаго полка.

А нѣсколько дагѣе горцы атаквали самого Воронцова, едва спасеннаго нѣсколькими Кабардинцами. Не доходя же авангарда были убиты адъютантъ Воронцова *Лонгиновъ*, адъютантъ Лидерса, графъ *де-Бальменъ* и *Вашиловъ* и раненъ Ген. шт. капитанъ баронъ *Дельвицъ* и майоръ *Альбрантъ*. А рядомъ съ Бенкендорфомъ убитъ раненный же полковн. *Завальевскій*.

Тяжелый былъ этотъ день 14-го іюля.

Б. Колубакинъ.

Только Шеппингъ съумѣлъ избавить меня отъ всѣхъ ужасовъ плѣна или неминуемой смерти, и то и другое было неизбежно и потому только добрѣйшему Шеппингу—вся честь моего спасенія, вѣчная ему благодарность за эту благородную, братскую и дружескую помощь. Для меня все ограничилось только четырьмя ударами пашки и кинжала. Сильное кровоусканіе принесло мнѣ пользу, и доктора увѣряли, что это меня спасло. На самомъ дѣлѣ, такъ какъ я сильно ослабѣлъ отъ потери крови, то воспаленіе праваго плеча, начавшееся отъ первой моей раны, не только что не усилилось, но прекратилось. Слабость, которая меня охватила, она-то и спасла мнѣ жизнь; это странно, но вѣрно.

Никогда не ухаживали за мной съ бѣльшей добротой, усердіемъ и любовью, и всѣ наперерывъ старались выказать мнѣ участіе. Хотя въ этотъ день всѣ были въ ужасномъ положеніи, когда чувство эгоизма неизбежно беретъ верхъ, всѣ обо мнѣ подумали.

Александръ Барятинскій отнесся ко мнѣ съ полной добротой и глубоко тронулъ меня искренней вѣжностью. Я былъ лишень всего. Каждый старался обогреть себя, чтобы меня одѣть и облегчить мои страданія: поручикъ *Швахеймъ* (раненый офицеръ Куринецъ) накрылъ меня своимъ сюртукомъ, другой далъ папаху, молодой князь Капланъ предложилъ свою лошадь; Мамутъ, чтобы быть всегда у меня подъ рукой для моей защиты, рѣшилъ не оставлять меня болѣе, а князь *Николай Эрстовъ* присоединился ко мнѣ, чтобы пробивать мнѣ дорогу. Отыскался и мой Андрей, и молодчина этотъ уже не оставлялъ меня. Цырюльникъ карабинерной роты перевязалъ мои раны.

День выдался тяжелый; по всей линіи (вѣрнѣе по всей глубинѣ) дрались до вечера. Мы достигли мѣста ночлега только съ наступленіемъ темноты, а арріергардъ подошелъ съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня. Дождь шелъ какъ изъ ведра, темнота была полная, всѣ валялись какъ попало въ грязи, и положеніе раненыхъ въ эту ночь было ужасное. Въ подобныхъ обстоятельствахъ здоровые мало церемонятся съ ранеными, видя въ нихъ лишъ обузу и лишнее горе, но я былъ счастливѣе другихъ.

Палатку разбили только для графа Воронцова, и онъ послалъ меня разыскать *Щербинина*, чтобы перенести къ себѣ. Я должно быть очень надоѣлъ бѣдному графу моими стопами, вырывавшимися у меня, помимо моей воли.

Во всякой другой войнѣ участь раненыхъ обезпечена, здѣсь же мы подверглись всѣмъ тѣмъ ударамъ, что и наши защитники; мы не могли избавиться ни отъ одного изъ результатовъ той драмы,

которая развѣтывалась передъ нами и длилась еще 6 дней ¹⁾. Хотя я въ ней и не принималъ участія, но голова моя была свѣжа, и я могу продолжать свое повѣствованіе, такъ какъ прекрасно слѣдилъ за нашими дѣйствіями, изъ которыхъ передамъ важнѣйшія, дабы лучше объяснить развязку.

Въ теченіе дней 15-го и 16-го мы были въ непрерывномъ движеніи и все время дрались. Послѣ полудня 16-го мы были вынуждены атаковать сильную позицію, обороняемую наибомъ Литула. Потребовались большія усилія для ея овладѣнія, всѣ части попеременно были введены въ дѣло, и графъ Воронцовъ долженъ былъ лично руководить ея атакой.

Дни 17-го и 18-го мы провели въ долину Шаухаль-верды. Остановка необходима была для отдыха и для приведенія въ порядокъ службы войскъ и обозовъ.

Уже нѣсколько дней, какъ мы не имѣли продовольствія; рогатый скотъ былъ съѣденъ. Жили — несмотря на противника, несмотря на усталость, — на общее истощеніе, жару, голодъ, жажду; жили потому, что въ арміи, подобной нашей, жизненную силу арміи составляетъ — энергія начальниковъ, дисциплина и мужественная покорность солдата, и всѣ эти факторы были на лицо. Солдаты выказали чудеса покорности и храбрости, а энергія графа Воронцова была просто изумительна; онъ проявилъ ту силу, которая увлекаетъ, воодушевляетъ, электризуетъ; ту силу, которой обладаетъ только недюжинный начальникъ и которая внушаетъ массѣ, покорившейся ей какъ бы по волшебству. Никогда графъ Воронцовъ не былъ такъ прекрасенъ, какъ въ эти минуты, когда уже многіе изъ насъ отчаявались въ спасеніи отряда. Стоило только взглянуть на него, чтобы набраться новыхъ силъ и весело идти навстрѣчу опасностямъ, на которыя онъ смотрѣлъ ясно и спокойно.

Палатокъ оставалось очень мало, только у нѣкоторыхъ начальствующихъ лицъ, в непріятель зналъ ихъ наперечетъ. Графъ Воронцовъ велѣлъ разбить свою палатку на самомъ видномъ мѣстѣ лагеря, чтобы непріятель легко могъ въ нее цѣлить. Въ теченіе трехъ дней мѣсто около палатки было изрыто ядрами. 17-го утромъ графъ обошелъ все наше сторожевое охраненіе, дабы показаться войскамъ и благодарить ихъ за мужество. Эту опасную штуку онъ исполнилъ верхомъ на бѣломъ конѣ, дабы быть видимымъ и всѣмъ своимъ и непріятелю. По мѣрѣ того, какъ онъ проѣзжалъ передъ частями, онѣ выстраивались, музыканты играли честь, а войска

¹⁾ Это дѣйствительно была драма, нигдѣ еще не изложенная во всей силѣ своей дѣйствительности.

привѣтствовали тысячекратнымъ ура, которое временами заглушало канонаду артиллеріи непріятеля, не замедлившаго провожать графа въ теченіе всего его объѣзда, длившагося цѣлыхъ два часа. Я рѣдко видѣлъ болѣе захватывающее зрѣлище.

Графъ Воронцовъ заставилъ насъ пройти чудесную школу, и всѣ тѣ, кто съ нимъ служилъ, сохранять драгоцѣнные о ней воспоминанія. Особенно мы, раненые, мы болѣе другихъ должны благословлять его имя въ память того, что онъ сдѣлалъ для насъ въ теченіе этихъ шести послѣднихъ и ужасныхъ дней похода. Конечно, и всякій другой начальникъ отряда заботился бы о насъ, какъ и графъ Воронцовъ, но тутъ нужна его каждодневная забота и та сила власти надъ умами, которая была ему присуща, и которая заставляла себѣ подчиняться.

Насъ было 1.500 человекъ раненыхъ, и мы требовали такое же число себѣ провожатыхъ на походъ; вся конница была спѣшена и лошади отданы подъ раненыхъ, которые образовали особую колонну, ввѣренную генералу Хрещатицкому, хорошо исполнившему свою задачу. Начальство оказало намъ все содѣйствіе, и распоряженія по отношенію насъ генерала Гурко были безукоризненны.

Все это еще не означаетъ, чтобы нашъ раненый, особенно солдатъ, почивалъ на розахъ. Стоитъ только представить себѣ эту массу несчастныхъ, страдающихъ отъ страшнаго зноя, жажды и голода, такъ какъ даже вода добывалась съ боемъ. Представимъ себѣ страдальцевъ, лишенныхъ силъ и средствъ самозащиты, все время подверженныхъ дѣйствию ядеръ, гранатъ и даже пуль непріятеля, нѣсколько разъ на волоскѣ отъ варварскаго избіенія, безъ возможности тому противодѣйствовать; вспомнимъ, что мы никогда не становились лагеремъ, что мы проходили черезъ страну, которую самый смѣлый офицеръ генеральнаго штаба призналъ бы непроходимой, что мы почти всегда шли безъ дорогъ, черезъ густыя лѣса, пропасти, глубокіе овраги, что весь нашъ путь состоялъ изъ спусковъ и подъѣмовъ, одинъ труднѣе другого, что мы только изрѣдка шли по ровному и достаточно открытому мѣсту, гдѣ мы были обезпечены отъ внезапныхъ нападеній противника.

Я набрасываю покрывало на всѣ эти сцены отчаянія, прошедшія передъ моими глазами въ теченіе всѣхъ этихъ тягостныхъ минутъ. Я не нахожу словъ, ни для ихъ описанія, ни для того, чтобы возблагодарить Бога, что Онъ дозволилъ мнѣ достигнуть пристани и конца нашихъ бѣдствій!!!.....

12-го графъ Воронцовъ предупредилъ генерала Фрейтага, бывшаго въ Грозной, о принятомъ имъ направленіи своего движенія и приказалъ ему идти навстрѣчу отряду.

Фрейтагъ человекъ большихъ талантовъ, большой мастеръ создавать изъ ничего, увеличивать, по необходимости, силы и средства и придавать крылья своимъ сотрудникамъ и соратникамъ, проявилъ тогда невѣроятную дѣятельность.

Менѣ чѣмъ въ три дня онъ собралъ артиллерію, 8 баталіоновъ, казаковъ и милицію, разбросанныхъ на сто верстъ и вовсе не готовыхъ къ походу. Послѣ полудня 18-го онъ прошелъ уже 15 верстъ по непріятельской землѣ, и его орудія гремѣли уже въ верстъ отъ отъ нашего лагеря у Шаухаль-верды.

19-го мы оставили нашу позицію и, выдержавъ еще кровавый бой, соединились съ нимъ. Что это была за радость! Солдаты бросались въ объятія другъ друга! Пришедшіе намъ навстрѣчу опорожняли свои мѣшки для утоленія нашего голода; на каждомъ шагу—трогательныя сцены.

Я никогда не забуду впечатлѣнія, произведеннаго на меня первыми, увидѣнными мною, солдатами отряда Фрейтага! Только по сравненію съ ними, мы были поражены собственнымъ видомъ, къ которому привели насъ бѣдствія этой ужасной экспедиціи. Но въ этотъ день всѣ трудности были забыты, въ нашихъ рядахъ была только радость, а въ рядахъ пришедшихъ къ намъ — благородное соревнованіе. Проѣзжая по фронту одной роты, пришедшей съ генераломъ Фрейтагомъ, Воронцовъ, привѣтствуя солдатъ, замѣтилъ имъ: „Какіе вы, братцы, чистенькіе въ сравненіи съ нами!“ „Нѣтъ“, воскликнулъ одинъ старый унтеръ-офицеръ, „вы бѣлѣе и чище насъ, потому-что вы дрались больше насъ!“

Съ великой радостью встрѣтился я съ *Барановымъ*¹⁾ и *Хасиевымъ* (Кумыкскій князь). Храбрый Фрейтагъ былъ очень радъ видѣть меня живымъ. Помню, какъ, обнимая меня, онъ сказалъ: „Ну, Костя, потрепали тебя, ничего, вылечимъ, не дадимъ умереть“.

Всѣ наши раненые вышли изъ лѣса. Арріергардъ, которому пришлось выдержать ожесточенный бой, присоединился къ намъ. Отрядъ уже собирался двинуться въ путь и я тоже — слѣдовать за общимъ движеніемъ, когда графъ Воронцовъ, проѣзжавшій въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, сошелъ съ лошади и присѣлъ около меня. Онъ находился въ томъ состояніи откровенности, которое, казалось, его облегчало и радовался видѣть меня уже внѣ опасности.

¹⁾ Флигель-адъютантъ Эдуардъ Трофимовичъ Барановъ, находившійся при Фрейтагѣ.

Помню, что въ отвѣтъ на принесеніе мною благодарности за все, что онъ намъ сдѣлалъ, достойный графъ, со слезами на глазахъ, сказалъ мнѣ: „если бы мой сынъ находился въ отрядѣ, то я не знаю, что стало бы со мной и съ моей энергією!“¹⁾

Генераль Фрейтагъ дѣйствительно пришелъ во-время: ряды защитниковъ сильно порѣдѣли и въ ротахъ было не болѣе 20-ти—30-ти человекъ въ каждой.

Войска покрыли себя славой, особенно Кавказцы—старые полки Кабардинскій, Куринскій, Навагинскій и Апшеронскій; великолѣпнѣе былъ и *Лабынцевъ* съ своимъ арріергардомъ, выдержавшій на своихъ плечахъ въ теченіе длинныхъ пяти дней всѣ яростныя атаки горцевъ; превосходныхъ помощниковъ нашелъ онъ въ полковникѣ *Козловскомъ*, подполковникѣ *Тиммерманъ*, капитанѣ *Беклемишевѣ* и князѣ *Яшвилѣ*. Я счастливъ назвать въ числѣ лицъ, особенно отличившихся при исполненіи марша отъ Дарго къ Герзель-аулу, двоихъ, къ которымъ я питалъ особое расположеніе, это—кн. *Лобанова* и *Колюбакина*. Въ то время, когда многія лица въ главной квартирѣ уже начали отчаяваться въ спасеніи отряда, Лобановъ просился въ строй и принялъ командованіе одной изъ тѣхъ ротъ, на которую можно было менѣе всего положиться, стойко выдержалъ ее подъ огнемъ и раздѣлилъ всѣ опасности службы въ арріергардѣ.

Также и *Колюбакинъ*, продолжая командовать 3-ей ротой Куринскихъ егерей, поступилъ подъ начальство *Лабынцева* и заслужилъ отъ него самую блестящую похвалу. Впослѣдствіи онъ мнѣ неоднократно рассказывалъ одинъ эпизодъ, заключающій въ себѣ чисто-кавказскую черту, и я не могу удержаться передать здѣсь этотъ эпизодъ, хотя я лично совершенно ему не причастенъ. 16-го (при переходѣ въ Шаухаль-Берды) Колюбакинъ получилъ приказаніе овладѣть одной высотой; 50 муллъ, распростершись на землѣ, оглашали воздухъ именемъ Аллаха, котораго они призывали прежде, чѣмъ вступить въ бой. Солдаты же, прежде, чѣмъ броситься въ атаку, пріостановились и слышно было, какъ они говорили: „не хорошо, Богу молятся!“ Колюбакинъ, которому нельзя было терять ни одной минуты, торопилъ своихъ: „что у нихъ, за Богъ, развѣ нашъ не лучше“!?. „Такъ точно, гораздо лучше!“ отвѣтили солдаты

¹⁾ Вѣроятно еще изъ Андій сынъ его былъ командированъ въ Петербургъ съ донесеніемъ, такъ какъ въ началѣ похода онъ былъ съ отцомъ.

и послѣ нѣсколькихъ „ура“ и короткаго сопротивленія высота была взята.

Лишь только Колюбакинъ овладѣлъ высотой, съ которой были выбиты эти муллы, какъ онъ, въ свою очередь, напомнилъ своимъ примѣръ благочестія, только что ими видѣннаго. Картина измѣнилась: солдаты обнажили головы, пѣвчіе затянули „Со святыми упокой“, и рота опустила въ могилу тѣло своего фельдфебеля, пораженнаго во время атаки пулей въ голову.

Въ этой войнѣ на Кавказѣ всегда есть что-то и драматическое, и фантастическое, и неожиданное.

Итакъ, кампанія кончилась; она длилась шесть недѣль. 20-го послѣ обѣда мы пришли въ Герзель-ауль—первую на пути русскую крѣпость, въ которую мы вступили съ музыкой и съ веселыми солдатскими пѣснями.

Громкіе крики отчаянія и горя огласили горы. Четыре наба погибли въ этой кровавой борьбѣ; пали лучшіе чеченскіе борцы; потери горцевъ были громадны, и наше слѣдованіе оставило по себѣ длинный кровавый слѣдъ.

Но и мы также могли скорбѣть о многихъ потеряхъ; наши потери въ прекрасныхъ офицерахъ были громадны, я не имѣю тому точныхъ данныхъ и могу привести потери только баталіона, которымъ я имѣлъ честь командовать. Изъ 700 человекъ, выступившихъ въ кампанію, при вступленіи въ Герзель-ауль оставалось подъ ружьемъ только 300; изъ 400 выбывшихъ изъ строя 150 человекъ было больныхъ и 250—убитыхъ и раненыхъ. Изъ 20-ти офицеровъ баталіона въ началѣ кампаніи—осталось только пять нераненыхъ.

Несоразмѣрно большая потеря офицеровъ по отношенію общей потери въ нижнихъ чинахъ есть обыкновенное явленіе въ войнѣ на Кавказѣ ¹⁾).

Изъ 11-ти—штабъ-офицеровъ, спустившихся во главѣ своихъ баталіоновъ въ тѣснины Дарго, къ концу кампаніи, только одинъ остался цѣлъ и невредимъ; были баталіоны, въ которыхъ командиры смѣнялись по четыре раза,—до такой степени свирѣствовала смерть въ рядахъ отряда.

¹⁾ Это справедливо лишь отчасти, но въ данномъ случаѣ эта несоразмѣрность дошла до невозможнаго, что и объясняется рядомъ кризисовъ въ походѣ, вѣрнѣе, со взятія никому не нужнаго Дарго, весь походъ—сплошной кризисъ.

Много крови было пролито съ той и другой стороны ¹⁾. Дарго было въ развалинахъ, Андія была одно время занята, Ичкерія пройдена съ одного конца до другого; никогда еще наши знамена не проникали такъ далеко въ горы, никогда еще духъ войскъ не стоялъ на такой высотѣ, никогда еще не покрывали себя на Кавказѣ войска наши большей славой, никогда еще не обладали мы здѣсь столь значительными силами, и никогда еще не давали мы столько боевъ, а между тѣмъ могущество Шамиля осталось во всей своей силѣ.

Причина тому—очень ясная. Ошиблись въ значеніи Дарго и Андій, еще разъ обманулись въ значеніи въ горахъ нашихъ безполезныхъ побѣдъ и еще разъ ошиблись въ результатахъ и послѣдствіяхъ нашего вторженія ²⁾.

Главный результатъ кампаніи—это большой и основательный урокъ для будущаго. Дай Богъ, чтобы урокъ этотъ былъ плодотворенъ по отношенію предпріянія этихъ болѣе смѣлыхъ, чѣмъ полезныхъ экспедицій, выполненіе которыхъ поручается лицамъ, мало знакомымъ съ условіями веденія войны на Кавказѣ и слыш-

¹⁾ Наши потери по отношенію общей численности отряда были безпримѣрно велики и за время съ 14-го іюня по 20 іюля только въ Даргинскомъ походѣ мы потеряли по офиц. даннымъ: 3-хъ генер., 28 шт.-офиц., 158 об.-офиц. и 2.521 ниж. чиновъ, а именно:

	Генераловъ.	Шт.-офиц.	Обер.-офиц.	Нижн. чиновъ.
Убитыми	3	7	27	819
Ранеными	—	18	101	1.916
Контуженными	—	3	28	409
Безъ вѣсти пропавшими	—	—	2	177
	3	28	158	3.321

Примѣчаніе. Къ этимъ потерямъ слѣдуетъ еще прибавить потери отряда генерала Фрейтага и нашихъ гарнизоновъ на этапахъ въ Андій, что значительно увеличитъ еще эти потери, при чемъ мы не считаемъ еще потерь въ Самурскомъ и Лезгинскихъ отрядахъ.

Любопытны потери отряда только за недѣлю марша отъ Дарго къ Гервель-аулу, съ 13-го по 20-е іюля, а именно, убитыми: 2 шт.-офиц., 10 об.-офиц., 295 нижн. чин.; ранеными: 12 шт.-офиц., 43 обер.-офиц. и 740 н. чин.; контуженными: 2 шт.-офиц., 7 обер.-офиц. и 133 ниж. чина и 23 ниж. чина безъ вѣсти пропавшими. Б. К.

²⁾ Главная причина неудачъ съ 1839 года и, особенно, 1842 и 1845 гг.—это вмѣшательство Петербурга,—это составленіе плановъ кампаніи и управленіе арміей изъ столицы, тогда какъ успѣхъ дѣла войны, говоря языкомъ Суворова, требуетъ: „единства власти и полной мочи избранному полководцу“, что по отношенію Кавказа вполнѣ осуществилось только при князѣ Барятинскомъ.

Б. К.

комъ занятыхъ своею военною славой¹⁾. Передъ нами на лицо опытъ, купленный достаточно дорогою цѣной, чтобы служить намъ предостереженіемъ въ будущемъ и чтобы утвердить среди насъ болѣе рациональные принципы, которые мы теперь и прилагаемъ для умиротворенія края²⁾.

Эти принципы всегда во все времена исповѣдывались мудрыми и мыслящими дѣятелями, которымъ былъ близокъ край и которые въ своихъ соображеніяхъ не увлекались ничѣмъ тѣмъ, что шло въ разрѣзъ съ общимъ благомъ.

Въ этой кампаніи Кавказская армія пожала новые лавры и получила новое право на признательность Россіи, а будущія поколѣнія, болѣе нашего поколѣнія счастливыя, будутъ пожинать тамъ, гдѣ мы сѣяли, и изъ этихъ чудныхъ, еще дикихъ и невоздѣланныхъ нынѣ земель извлекутъ всю цѣну пролитой здѣсь нами крови.

Войска въ эту кампанію къ вождю, сумѣвшему руководить ими, преисполнились еще большимъ довѣріемъ, а Государь въ героизмъ этой арміи, для которой не было невозможнаго, и твердость которой преодоляла все препятствія, получилъ новую гарантію своего могущества.

Очевидно, что Шамиль припомнилъ эти снѣга и скалы Дагестана, которые не остановили наши войска, припомнилъ и кровавые бои въ Чечнѣ, которые никогда не могли утомить насъ, когда, въ своей проповѣди въ горахъ, весной 1846 года, незадолго до его вторженія въ Кабарду, онъ говорилъ своимъ, со свойственной ему смѣлостью языка: „я готовъ всехъ васъ отдать за одинъ изъ этихъ

¹⁾ Благородный Бенкендорфъ ведетъ здѣсь рѣчь о нѣкоторыхъ дѣятеляхъ прошлаго и ближайшимъ образомъ, очевидно, о *Граббе* (экспедиціи 1839 и 1842 гг.), о вмѣшательствѣ личномъ въ 1842 г. *графа Чернышева*, хотя здѣсь, по нашему, между строкъ, обвиненіе и графу Воронцову, который заслуживаетъ такового въ полной мѣрѣ въ 1845 году, когда у Воронцова не нашлось гражданскаго мужества высказать своему Государю правду о всей безцѣльности и вредѣ этой экспедиціи. Въ крайности, графъ Воронцовъ могъ ограничиться только Андією и тогда избѣжалъ бы подвергать ввѣренный ему отрядъ всему этимъ бѣдствіямъ, лишеніямъ и невознаградимымъ потерямъ.

Б. К.

²⁾ Если это писалось во времена Воронцова, то далеко не вполнѣ и Гергебильская, Салтинская и Чохская экспедиціи служатъ доказательствомъ, что 1845 годъ не произвелъ на Воронцова должнаго впечатлѣнія.

Б. К—ъ

русскихъ полковъ, которыхъ такъ много у Великаго Императора; съ русскими войсками весь міръ былъ бы у моихъ ногъ, и все человѣчество преклонились бы передъ единымъ Богомъ, единый пророкъ котораго Магометъ, и я единый имъ избранный имамъ вашъ“.

Сообщилъ Б. М. Колюбакинъ.

